

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИЛЬИ

В Манеже — выставка Ильи Глазунова. Антифашистов и ценителей живописи просят не беспокоиться

«...Кто против Глазунова, тот против России», — гласит строка на обложке каталога. И ссылка на некое немецкое издание. Цитата, без сомнения, подлинная. Только оборванная. В полном виде фраза должна звучать примерно так: «Картины этого художника говорят: кто против Глазунова, тот против России».

Впрочем, каталог старый, еще пятилетней давности.

Как и майки, которыми торгуют прямо в зале: «Я (сердечко) Илья Глазунова».

Цитата из пресс-релиза: «Его девиз: «Русский тот, кто любит Россию».

Странно, но я не помню, чтобы кто-то из адептов или хулителей «самого любимого и самого ненавидимого некоторыми» задавал вопрос, а какую же Россию любит тот, кого нам рекомендуют как «основателя, ректора и профессора лучшего художественного учебного заведения России», человека, прожившего «трудную, исполненную борьбы, волевой целеустремленности и преодоления жизнь», «члена Союза журналистов и члена Союза художников», обладателя «малой планеты» имени собственного имени, наконец, художника «поразительной разносторонности творческих деяний», того, «кто первым отважно и дерзко ниспроверг своим творчеством лживую доктрину социалистического реализма», «настоящего мастера культуры» и «борца со злом».

Какую Россию он любит? Известно какую.

Тысячеглазая, она и смотрит на зрителя из каждого угла. Вот только глаза эти все одинаковые — Сергей Радонежский и Андрей Рублев, лидер «Памяти» Васильев и редактор «МК» Павел Гусев, обнаженные русские красавицы и Достоевский, веший Олег и князь Рюрик, русские цари и Христос, убиенный царевич Алексей и Пушкин смотрят на нас глазами самого художника, — взглядом светло-стальным, чуть слезящимся.

Укрупненные, словно под лупой, отлитые по единому идеологическому стандарту стекляшки вместо глаз, — это и есть Россия по-глазуновски.

Нет, это не коммунистический соцреализм. Это реализм национал-социалистический, тот «православный фашизм», с которым еще в конце шестидесятых познакомился в советском лагере Андрей Сиянский. К православию (и христианству вообще) этот стиль имеет не больше отношения, чем магический оккультизм отрядов Баркашова.

Пресс-релиз лукавит. Девиз Ильи Сергеевича, если верить самому Илье Сергеевичу, звучит проще:

«Россия — русским!»

Идеолог по складу художественной природы, человек крепкого клипового сознания, по уровню вестернизации далеко опередивший свое время, Глазу-

нов прост, как лозунг. И эти слова, не слишком удобные даже в полуграмотном пресс-релизе, сам и вписал в картину, начертав их на барабане, палочки от которого держит отрок в окровавленной повязке («Россия, проснись!», 1994 г.).

Рядом — дева в камуфляже и полуобнаженный юноша с Евангелием в одной руке и автоматом в другой. За ними надзирает мифологический древний арий со свастикой, вышитой на вороте рубахи. (В третьем рейхе так, на самом горле, носили железный воинский крест.) А чтобы разночтений не было, на пряжке ремня у парня выгравировано «Gott mit uns». Только в переводе на русский.

Для тех, кто забыл: именно эти слова украшали солдатские ремни гитлеровцев.

И не надо ля-ля про то, что свастика — всего лишь элемент народного орнамента и знак плодородия. В компании с автоматом и нацистским кличем природа этого паука в культурологических изысканиях (глубже двадцатых годов XX века) не нуждается.

Заявка на создание «новой» идеологии и впрямь получилась грандиозной: от новгородского посадника Гостомысла до «многочисленных деятелей культуры», от Царя Небесного до земных царей глазуновское воинство уже построено в колонну и только ждет приказа своего генералиссимуса, чтобы двинуть с

холста в массы и творить настоящий «русский» порядок. Средствами искусства Глазунов сделал все, чтобы православный мог устыдиться своего православия, русский — не только своей истории, но и своей национальности, а живописец, пишущий кресты да храмы, — и храмов, и крестов. Потому что вера по-глазуновски — символ ненависти. История — путь к русскому фашизму. А национальность — синоним арийства и лояльности к новой идеологии, предлагаемой нам Илей Сергеевичем.

Начинавший полвека назад как талантливый рисовальщик и подражатель передвижников, он продемонстрировал нам, во что может превратиться тот, кого ведет не муза, а идеология.

...Краски пожухли. На палитре излюбленная гамма — черно-красно-грязная. Вместо композиции — коллаж. Вместо художественного высказывания — цитатник. Вместо фрески — монументальная прокламация, зовущая не к Христу, а к «калашу» погромщика.

У художника Глазунова есть свой зритель. И хотя хвост в Манеж уже не завивается петлей вокруг всего здания, народа, тоскующего по «новой идеологии», еще не так мало.

Это ж кайф кому рассказать, что крестивший Русь князь Владимир ходил с ног до головы в фашистских знаках.

А, может, так и надо писать на майках: «Я (свастика) Илья Глазунова?»

● Андрей ЧЕРНОВ

Илья Глазунов. «Россия, проснись!». 1994 г.